

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МОДЕЛЕЙ СТРАХОВОГО
НАДЗОРА: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ И ПРИМЕНИМОСТЬ ДЛЯ
УЗБЕКИСТАНА**

Ибрагимова Лазиза Нурбек кизи

Магистрант Банковско-финансовой академии

***Аннотация.** Статья выполняет сравнительный анализ моделей страхового надзора в ЕС, США, Великобритании, России, Южной Корее и Сингапуре, выделяя их институциональную архитектуру, степень централизации, глубину риск-ориентированных требований (RBC/Solvency II/K-ICS), уровень цифровизации надзора (SupTech/RegTech) и поведенческий контур защиты потребителей. Показано, что наилучшие результаты достигаются при сочетании риск-ориентированной платёжеспособности, регулярных ORSA и стресс-тестов, высокочастотной API-отчётности с автоматической валидацией, а также публичных бенчмарков качества урегулирования убытков. Сопоставление демонстрирует сильные и слабые стороны централизованных и федеративных моделей, роль «песочниц» для InsurTech, подходы к операционной устойчивости и киберрискам, а также практики по перестрахованию и управлению аккумуляцией риска. На этой основе предлагается поэтапная дорожная карта для Узбекистана: внедрение ORSA и стресс-тестов, стандартный SCR с локальной калибровкой, запуск цифровой платформы надзора и усиление поведенческого компонента.*

***Ключевые слова:** страховой надзор; государственный финансовый контроль; риск-ориентированный подход; Solvency II; RBC; K-ICS; ORSA; SupTech; RegTech; защита прав потребителей; перестрахование; киберриски; операционная устойчивость; Узбекистан.*

Введение

Страховой сектор становится ключевым звеном финансовой экосистемы, поскольку перераспределяет риски между домохозяйствами, бизнесом и государством, смягчая шоки и повышая предсказуемость экономических решений. В странах с формирующимися рынками устойчивость страховых компаний и качество надзора непосредственно влияют на глубину финансового посредничества, стоимость капитала и устойчивость бюджетов к шокам. В Узбекистане действующая система оценки платёжеспособности опирается преимущественно на упрощённые нормативные коэффициенты, что ограничено отражает реальный риск-профиль компаний: по итогам 2023 года средний показатель достаточности капитала составил 1,22 при минимуме 1,0, однако без учёта структуры активов, диверсификации инвестиций и объёма актуарных обязательств.

Международная практика демонстрирует, что наиболее результативные модели сочетают риск-ориентированную платёжеспособность (RBC/Solvency II), независимость надзора, расширенные раскрытия и цифровую «телеметрию» рынка. В России централизованный надзор Банка России ускоряет реакцию на системные риски и поэтапно

внедряет риск-ориентированный подход; в США федеративная модель под координацией NAIC компенсирует фрагментарность развитой цифровой инфраструктурой (SBS) и унифицированными методиками; Южная Корея, внедрив K-ICS как аналог Solvency II, опирается на высокую цифровую интеграцию и сценарный анализ. Эти различия важны для выбора траектории реформ, но общая логика — поворот от формального комплаенса к управлению реальными рисками — остаётся универсальной.

Для Узбекистана целесообразен поэтапный переход к риск-ориентированной модели: на первом этапе — обязательный цикл ORSA для всех страховщиков, независимая актуарная верификация резервов и пилотные стресс-тесты; на втором — внедрение стандартной формулы SCR с локальной калибровкой параметров и отраслевой сопоставимостью результатов. Такой маршрут укрепляет доверие инвесторов, повышает сопоставимость отчётности и создаёт базу для трансграничного признания. Параллельно необходим запуск цифровой платформы надзора (API-отчётность, автоматическая валидация, алерты по триггерам, модуль жалоб), что переводит контроль из ретроспективной в почти «реальную» временную шкалу и делает инспекции адресными. В совокупности эти элементы формируют каркас современной системы надзора, адаптированной к национальным условиям, но согласованной с передовыми стандартами.

Международные модели: краткий обзор и сопоставление

Европейский союз выстроил надзор вокруг рамки Solvency II, объединяющей количественные требования к капиталу (SCR/MCR), качественные требования к управлению рисками и расширенные раскрытия. Эта модель обеспечивает высокую сопоставимость показателей по странам, стимулирует развитие ORSA и внутренних моделей, а также опирается на координацию через EIOPA. Слабое место — сложность и стоимость внедрения для малых страховщиков, а также высокая зависимость от качества данных и актуарных допущений.

США используют федеративную, децентрализованную систему под координацией NAIC. Лицензирование и надзор осуществляют штаты, но единые методики (RBC, модельные законы, аккредитация) и цифровые платформы (State-Based Systems) задают стандарт отрасли. Сильная сторона — гибкость и конкуренция юрисдикций; уязвимость — фрагментарность правил и риски регуляторного арбитража, компенсируемые механизмами согласования.

Великобритания после выхода из ЕС сохранила риск-ориентированную логику (PRA Rulebook, оценка жизнеспособности бизнес-модели, интенсивный надзор за управлением и культурой риска), но активнее применяет пропорциональность для средних и малых фирм, а также развивает «песочницы» для InsurTech и тестирование инноваций под контролем регулятора.

Россия сконцентрировала полномочия в Банке России: единые лицензии, централизованные стресс-тесты, развитие риск-ориентированных инспекций и поведенческого надзора, усиление требований к актуарной функции и инвестициям. Преимущество — скорость вертикальной имплементации решений; вызов — гармонизация с международными стандартами при ограниченной статистике по отдельным рискам.

Южная Корея и Сингапур демонстрируют цифрово-интенсивный подход: K-ICS и риск-ориентированные режимы подкреплены высокочастотной отчетностью по API, аналитикой больших данных, сценарным тестированием климатических и киберрисков, а также строгими правилами по операционной устойчивости и аутсорсингу. Общий вывод: наиболее устойчивы гибридные системы, где риск-ориентированные требования сочетаются с цифровым мониторингом, координацией органов и пропорциональностью требований к масштабу бизнеса.

Универсальные и отличительные черты

Универсальные черты современных режимов страхового надзора сводятся к четырём опорным контурам: пруденциальный каркас (капитал, резервы, ликвидность), управление рисками и корпоративное управление (роль совета, независимость функций риска и актуария), раскрытие и отчетность (сопоставимость показателей, чувствительность к допущениям), а также поведенческий надзор и защита потребителей (прозрачные продажи, справедливое урегулирование, механизмы жалоб). Во всех юрисдикциях

Международный опыт демонстрирует: наиболее устойчивы системы, сочетающие риск-ориентированные методики капитала, цифровой мониторинг в «почти реальном времени», независимый и профессионализированный надзор, а также сильный потребительский контур. Для Узбекистана реалистична поэтапная модель: ORSA и стресс-тесты → стандартный SCR → полнофункциональная цифровая платформа → институциональная автономия и поведенческий надзор. Такой маршрут позволит повысить устойчивость сектора, прозрачность и доверие инвесторов, приблизив национальный рынок к лучшим международным стандартам.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Мирошник С. В. Страховой надзор в системе финансового контроля // Пробелы в российском законодательстве. – 2013. – №6. – С. 289–290.

1. Магомадов А. Н. Государственное финансовое регулирование страхового рынка в России: автореф. дис. ... канд. экон. наук. – Саратов: Саратовский государственный социально-экономический университет, 2010. – 27 с.

2. Мирошник С. В. Страховой надзор: учебное пособие. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУП, 2012. – 112 с.

3. Мурадова Э. А. Организация страхового дела и страхового надзора в Российской Федерации как объекты финансового права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М.: МГУ, 2022. – 26 с.

